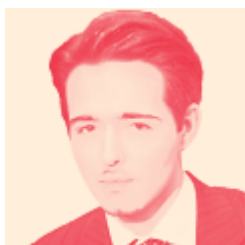

Жизнь после санкций. Почему Иран открывает свой рынок нефти

Петр Казначеев Директор Центра сырьевой экономики РАНХиГС

29 июня министр нефти Ирана после встречи с министром иностранных дел Франции объявил о начале новой главы в развитии иранской нефтяной отрасли. Французская компания Total первой среди международных нефтяных гигантов [будет допущена](#) к разработке новых месторождений в Иране. Это подогревает рассуждения о том, что иранская нефть в перспективе увеличит предложение на рынке. А это, в свою очередь, приведет к дальнейшему снижению цен. Так это или нет, покажет время. Но пока пресса пытается предсказать, сколько дополнительных тысяч баррелей будет продавать миру Иран, незамеченным остается другой аспект «иранской оттепели», который может оказаться важнее краткосрочных колебаний котировок Brent и WTI. Речь, возможно, идет о смене парадигмы в организации мирового нефтяного сектора.

Экономическая логика иранской оттепели

В июле на переговорах Ирана с «шестеркой» (Россия, США, Европейский союз, Великобритания, Франция, Китай и Германия) был подписан так называемый Совместный комплексный план действий по поводу ядерной программы. Сторонам удалось достигнуть рамочного соглашения, в результате которого большая часть обогащенного урана будет вывезена за пределы страны, а эксперты МАГАТЭ получат доступ ко всем ядерным объектам Ирана на 20 лет. Иран также обязуется на протяжении 15 лет не строить новые объекты по

обогащению урана. ЕС и США уже заявили, что если Иран соблюдает договоренности, они отменяют санкции со следующего года.

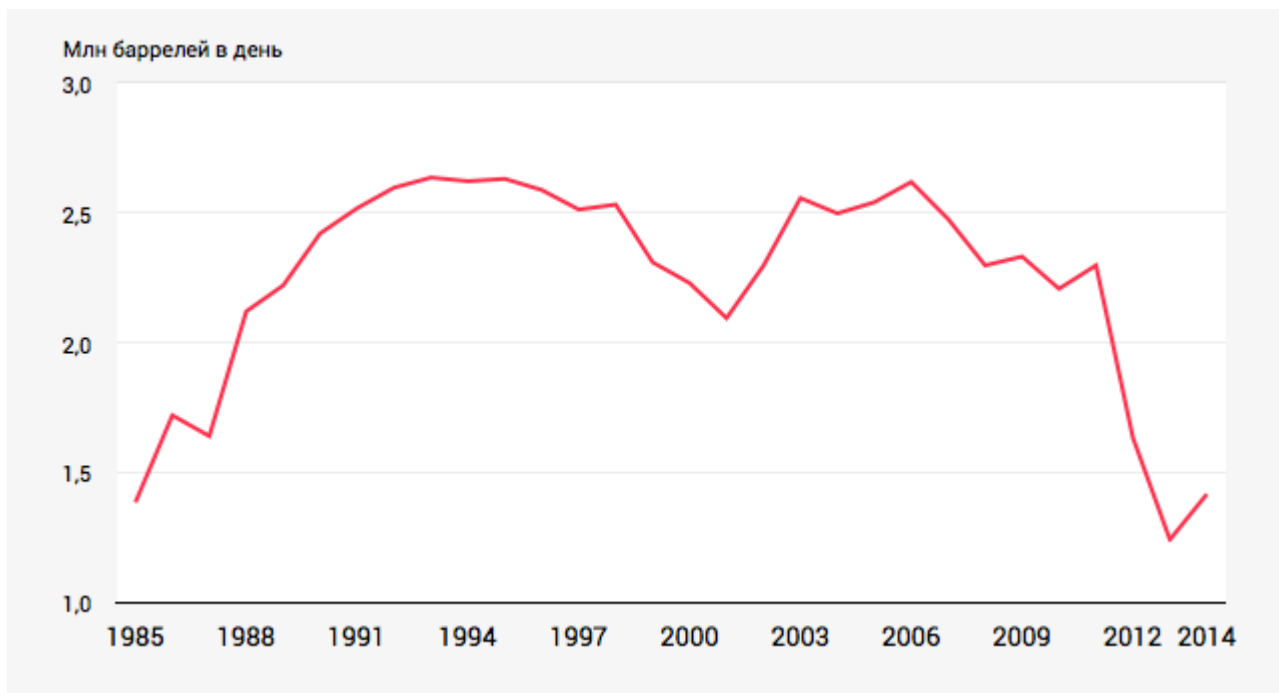
Снижение нефтяных котировок стало последней каплей, усложнившей и без того незавидное положение иранской экономики

Крупнейшие международные нефтяные компании уже заявили, что намерены сотрудничать с правительством Исламской Республики. Последнее ответило взаимностью. На переговорах с французской делегацией иранский нефтяной министр Биджан Зангане заявил о том, что «двери для компании Total в Иране теперь открыты». Похоже, правительство Ирана спешит показать свою готовность либерализовать экономику страны для иностранных инвесторов. И у столь демонстративной смены курса в стране, которая несколько десятков лет находилась в состоянии жесткой конфронтации с Западом, есть понятная экономическая логика.

Переговоры с Ираном ведутся уже много лет, однако существенного результата удалось добиться именно в период резкого падения цен на нефть. Это, конечно, не случайное совпадение. Дело в том, что снижение нефтяных котировок стало последней каплей, усложнившей и без того незавидное положение иранской экономики. Два других фактора: действие санкций и общая неэффективность производства, вызванная закрытостью страны и бюрократизацией.

Под влиянием санкций экспорт нефти из Ирана сократился на 60% – с 2,5 млн баррелей в день в 2011 году до нынешних 1,4 млн.

Последствия для экономики были плачевными. Даже в условиях высоких цен на нефть в 2013 году доходы бюджета от ее продажи упали со \$100 млрд до \$35 млрд, а ВВП сократился на 5%. Уровень безработицы сильно вырос. При этом с падением цен на нефть все эти проблемы усугубляются, подводя страну к черте затяжного экономического кризиса.

Динамика иранского экспорта нефти с 1985 года

Источник данных: МЭА

Если бы Иран имел дело лишь с двумя из трех вышеназванных факторов – санкциями и общей неэффективностью (как это было до прошлого года), то правительство, вероятно, могло бы себе позволить какое-то время и дальше откладывать реформы. Но падение цен на нефть поставило вопрос ребром. Взяв курс на сотрудничество с Западом, власти Ирана пытаются решить все три проблемы: договориться о снятии санкций, повысить общую эффективность экономики за счет привлечения иностранных компаний, а также частично компенсировать сокращение доходов в условиях низких цен на нефть путем повышения объемов добычи.

Нефтяные скрепы

Нефть имеет для Ирана не только экономическое, но и символическое значение. Нефть – это своего рода иранская «духовная скрепа». Вопрос о том, кто контролирует добычу нефти, был краеугольным в течение всей послевоенной истории страны. При шахе Мохаммеде

Реза Пехлеви произошла первая национализация нефтяной промышленности, которой добился премьер Мохаммед Моссадык в 1951 году. В результате была экспроприрована собственность Англо-иранской нефтяной компании (впоследствии ставшей компанией BP).

Премьер-министр Ирана Мохаммед Моссадык у иранского посольства в Вашингтоне

В 1953 году Моссадык был свергнут в ходе военного переворота, а национализация частично отменена. Корпорации Великобритании и США заключили соглашение о разделе продукции с государственной нефтяной компанией Ирана NIOC. Вопреки расхожему убеждению о том, что иностранцы контролировали всю нефтедобычу страны при шахе, на их долю приходилось лишь около 10% совокупного производства. Тем не менее именно сырьевой национализм и обещание «вернуть нефть народу» стали одним из основных лейтмотивов кампании против шаха, которой аятолла Хомейни руководил из эмиграции.

После победы исламской революции в 1979 году иностранные компании были вынуждены вновь покинуть Иран. Нефтяная промышленность страны начинает приходить в упадок, а добыча резко сокращается. Самый острый спад происходит на фоне ирано-иракской войны 1980–1988 годов, поводом к которой, кстати, тоже послужили споры вокруг контроля над территориями с нефтяными месторождениями.

В конце 90-х годов более либеральный президент Мохаммед Хатами пытался восстановить нефтяную промышленность, привлекая иностранных партнеров. Но получалось это у него плохо, поскольку полноценных прав приобретения лицензий иностранцам правительство не предоставляло. К тому же страна к этому времени начала все больше втягиваться в противостояние с Западом вокруг ядерной программы.

Сегодня власти Ирана делают все возможное, чтобы мировое сообщество поверило в серьезность их намерений открыть страну для инвесторов. В России и других странах – экспортерах углеводородов вопрос снятия санкций с Ирана вызывает закономерный ажиотаж –

это один из факторов, который может повлиять на цену нефти в будущем. Но перспективы добычи в Иране зависят от политического успеха иранской оттепели, который вовсе не гарантирован. В стране есть немало сил наподобие Корпуса стражей исламской революции, которые будут сопротивляться изменениям. Даже если оттепель все же состоится, вопрос о том, насколько быстро Иран сможет нарастить добычу нефти (а в перспективе – и газа), остается открытым.

Министр нефти Ирана недавно заявил, что в случае отмены санкций страна сможет за полгода-год увеличить добычу с нынешних 3 млн баррелей в сутки до предсанкционных 4 млн. Но в данном случае он, скорее всего, выдает желаемое за действительное. Чтобы увеличить добычу на треть – на целый миллион баррелей в сутки, – стране потребуются годы, а также инвестиции, по разным оценкам, от \$50 млрд до \$100 млрд. У Ирана таких денег нет. А чтобы привлечь их из-за рубежа, нужно сначала создать необходимые институты, а также восстановить доверие инвесторов. Учитывая, что у Ирана за плечами две национализации и десятилетия нефтяной госмонополии, даже при лучшем стечении обстоятельств это само по себе займет годы.

Аятолла Хомейни спускается по трапу в аэропорту Мехрабад. 1 февраля 1979

Единственное, что Иран может моментально выбросить на рынок после отмены санкций, – это 30–40 млн баррелей непроданной нефти и конденсата, которые, [по оценкам Международного энергетического агентства](#), находятся в иранских танкерах по всему миру. Такой объем смог бы обеспечить дополнительные поставки на мировой рынок примерно 180 тысяч баррелей в день в течение шести месяцев. Учитывая, что мировое потребление составляет около 90 млн баррелей в сутки, такой объем дополнительного предложения на цену всерьез не повлияет.

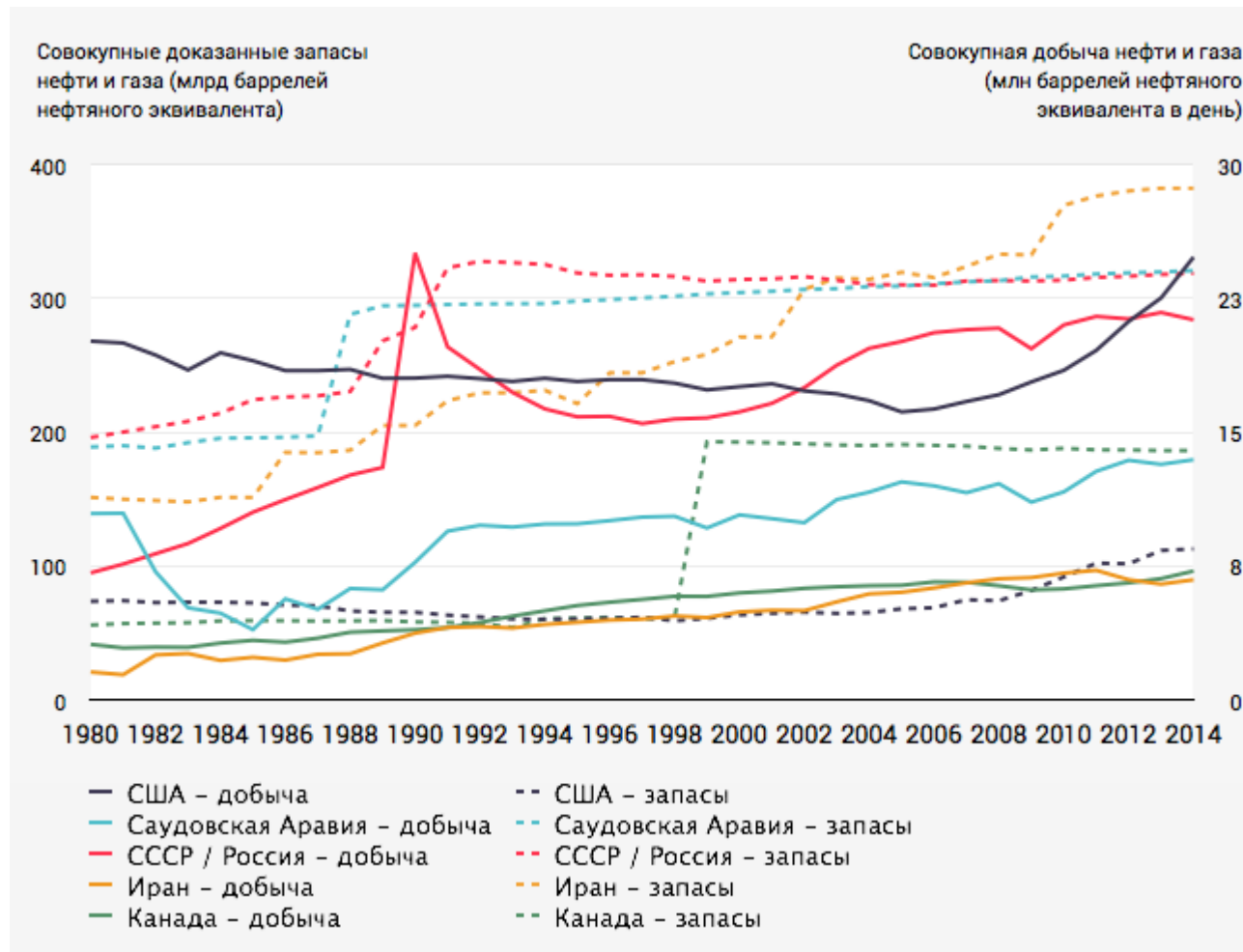
Закат «нефтяного национализма»

Сейчас все внимание сосредоточено на возможной отмене санкций. Но все же корень проблем иранской экономики не в санкциях. Санкции заработали в полную силу сравнительно недавно – с 2011 года. А структурные проблемы иранской экономики начались задолго до этого, и связаны они с огосударствлением всей хозяйственной системы, включая энергетический сектор, и самоизоляцией страны после победы исламской революции 1979 года. (О том, что принесла Ирану экономическая автаркия, я подробно писал в своей [публикации](#).)

[По совокупным запасам углеводородов Иран находится на первом месте в мире, опережая Россию, США, Саудовскую Аравию и Канаду. По уровню добычи уступает этим четырем странам](#)

По сути, Иран не смог реализовать свой нефтегазовый потенциал, чтобы дать импульс развитию экономики. Страна оказалась в парадоксальной ситуации. По совокупным запасам углеводородов (то есть если сложить доказанные запасы нефти и газа, пересчитав их в нефтяном эквиваленте) Иран находится на первом месте в мире, опережая Россию, США, Саудовскую Аравию и Канаду. При этом по

уровню добычи он находится лишь на пятом месте, уступая этим четырем странам. Причем общий объем добычи в Иране составляет менее трети от производства нефти и газа в США. Более того, Иран так и не сумел выйти на уровень собственной добычи нефти 70-х годов, который был в два раза выше нынешнего.

Совокупные доказанные запасы и совокупная добыча нефти и газа в Иране, России (до 1991 – СССР), США, Саудовской Аравии и Канаде

Источник данных: BP Statistical Review of World Energy 2015

По ресурсному потенциалу у Ирана были все основания стать страной с высоким уровнем дохода на душу населения. Но в том-то и дело, что, как показывает опыт, уровень добычи нефти и газа определяется в первую очередь не объемами запасов, а институциональной

системой в стране, уровнем коррупции и качеством управления. По всем этим параметрам Иран замыкает мировые рейтинги.

Пик «нефтяного национализма» в мире пришелся на 60-е и 70-е годы – на этой волне была создана ОПЕК. Но к настоящему времени перераспределительная модель госкапитализма во многих сырьевых экономиках не оправдала ожиданий. В некоторых странах власти стали пересматривать систему управления сектором.

Протесты в Бразилии против коррупции в нефтяной госкомпании Petrobras показали, что система «нефтяного национализма» больше не пользуется такой поддержкой, как раньше. В результате государству пришлось в этом году отменить госмонополию на разработку месторождений на шельфе, установленную ранее правительством Дилмы Русеф. Вслед за этим Мексика перешла к реформе нефтяного сектора, начав реструктуризацию госкомпании Pemex, сохранявшей монополию в течение последних 80 лет. Первый раунд аукционов на доступ к месторождениям среди частных компаний в Мексике уже прошел.

На недавних выборах в Нигерии к власти пришел новый президент. Власть сменилась на волне массовых антикоррупционных выступлений. В Венесуэле недовольство боливарианской моделью нефтяного социализма привело к массовым демонстрациям, переросшим в серьезные столкновения с полицией. В целом за последний год, с тех пор как упали цены на нефть, в нескольких нефтяных экономиках начало меняться отношение к системе государственной монополии и перераспределения ренты. В прежний период высоких цен государствам удавалось поддерживать работу неэффективных госкомпаний. Продолжающееся снижение цен на нефть усиливает давление гражданского общества на правительства стран-экспортеров и заставляет переосмысливать старые модели управления.

Последние шаги правительства в Иране продолжают эту тенденцию. И для России динамика событий в Иране особенно показательна. Ведь во многом Россия сейчас движется туда, где Иран застрял на долгие годы, – от огосударствления нефтяного сектора до противостояния с Западом и санкций. Провалы иранской модели становятся для иранцев все более очевидными. Это, в свою очередь, вынуждает власти страны искать выход, а успех иранской оттепели может повлиять на будущую организацию нефтяного сектора и за пределами Ирана. Россия пока движется в противоположном направлении, но рано или поздно также окажется перед этим выбором.